

НА ФРОНТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ВЫБОР ЯНОША ПЕТЕФИ

Андрей Туча лежал у края ботота и прислушивался. Его слух уловил отдаленные шаги. Он не успел сообразить, с какой стороны ждали пришельца, как чья-то рука раздвинула ветки и коснулась его плеча. Он быстро повернул голову и увидел над собой длинного и тощего солдата, с рыжими, окутанными туманом, волосами от солнца бровями, сдвинутыми вперёд глазами. Солдат стоял, устремив в партизана спокойный взгляд. Андрей Туча ахнул с восторгом:

— Отой!

Солдат и не думая бежать. Он швырнул в траву автомат и промчался:

— Сталин...

Андрей Туча шагнул вперед и крикнул:

— Ручка в гору!

Наступил азарт винтовочной погоню. Солдат фехтовался: «Не надо». Командир в последний момент, схватившись за голову, выскочил из-за ботота. Партизан подошел к солдату и постучал в плечо.

— Товарищ командир, разрешите доложить...

Командир отряда, бывший директор машино-тракторной станции, знал о том, что противник поднял свежие силы и собрался наступать на лес. Но кто они, новые солдаты, пришедшие воевать с партизанами?

Партизан оказался венгерцем Яношем Петефи. Он являлся собой батальон, номер венгерской стрелковой бригады.

Переводчик, старый учитель, передал вопросы командира отряда. Янош Петефи страдальчески потряс руками:

— Но мне не за что воевать!

— А за что с нами воевет Венгрия?

— Нет... Это Хорти воюет с вами...

Когда закончился доклад, солдат тихо прошептал:

— Я могу обратиться с просьбой?

Командир отряда кивнул головой.

— Я прошу вас не считать меня пленным.

— Что? — изумился командир.

Солдат повторил:

— Не считайте меня пленным... Я перешел к вам не потому, что я трус. Нет, я хочу бороться за Венгрию, освободившую от немцев. Вы можете мне помочь? Я сделал выбор. Но немцы... от них пахнет кровью. Русские... вот мой выбор. Они делают правое дело.

Командир на минуту задумался. Он заглянул в карту и встал в сторону леса. Потом подошел к Яношу и тихо прошептал:

— Ответ будет утром...

Янош Петефи пришел сюда издалека. У него было два брата. А когда в Венгрии стали хозяйничать приспешники немцев, старшего расстреляли, а младшего отправили в концлагерь. Янош Петефи стал помогать разведчикам, уходил с ними на дороги, в деревни: он хорошо знал, где стояли замаскированные пушки, пулеметы, где были штабы, склады. «Длинный маляр» — прозвали его в отряде.

Однажды партизаны выжили немцев из деревни и вышли на железнодорожную магистраль. Вой стоял уже за редкими деревьями, но внезапно дозорные доложили:

— Из-за холмов движется батальон... Перебежками, небольшими группами солдаты приближались к насыпи. Это были венгры. Янош лежал за водосточной трубой, как из-за створки стрелял пошедшей партизан. По ту сторону насыпи что-то кричали. Несколько солдат побежали вперед. Мелькнул офицер, разма-

завивший пистолетом. Партизан спустил курок. Чорт возьми, промах! Янош подполз к кустам и потянулся к винтовке. Он отбежал к тенистому дереву и стал целиться. Гранат выстрел, и партизан увидел, как, взмахнув руками, навзничь упал офицер.

Ночь и день хозяйничали партизаны на этом участке. Они разобрали несколько километров полотна, разрушили станцию. На другой день в сумерки дозорные снова доложили:

— Идет батальон!

Опять солдаты подошли к насыпи и под огнем загорели. Так длилось несколько часов. Потом в небе послышался рокот, на бромеем полете прошли два «Юнкерса» и опытным над оушкой, стреляя по партизанам наугад.

«Длинный маляр» выглянул из укрытия. Вдруг кто-то окликнул его. Он прислушался, его окликнули снова:

— Янош! Янош!

Он увидел, как, размахивая полотенцем, к партизанам бежали солдаты. Им стреляли вслед. Среди бегущих он узнал односельчанина:

— Шандор!

Облаивая кровью, одиннадцать раненых солдат с поднятыми руками стояли перед партизанами, двенадцатый лежал неподвижно с простреленной головой. Янош рассказал, что венгерский батальон дважды отказался идти в бой, что немцы и офицеры прозвали им за это расстрелом.

— Расправу вы видели сами...

Пленным порекомендовали уйти, отвали глубоко в лес. Там их лечили.

...Дождь начался на рассвете и всю ночь разразился ливнем. Вторые сутки партизаны охерялись густым туманом. Отряд перешел от обороны к наступлению, снова занял оборону, взметывая солдат.

По пояс в воде, касаясь раскисших стен окопа, в насквозь промокшей одежде, пригнувшись к разогорченному телу, Андрей Туча продолжал стрелять из пулемета. Вокруг, в грязи, лежали трупы немцев. Кончатся патроны. Где же Янош?

Янош двинулся из глубины леса. Он на мгновение присел и сбросил обильные слюны, обильные косями жирной грязи. Восьмью погнул косяком жерной травы, и он сразу почувствовал легкость в теле. Он победил, крепко держа свернутый брезент, в котором были пулеметные ленты. Вот тут где-то был окоп Андрей Туча. Янош позвонил, наконец, вылезая на бровстер. Здесь! Пулемет стоял пологим ливнем, и рядом в воде нычком лежало изрешеченное тело партизана.

— Сдавайтесь! — кричал в темноте горланный голос. — Сдавайтесь!

Янош ответил пулеметной очередью. Голос умолк. Потом Янош пустил еще одну очередь. С разных мест метнулись залпы.

— Партизаны, вперед!

Это был голос командира. Меж деревьев замелькали фигуры. Янош схватил пулемет и тоже понесся к краю окопа. Огонь противника заставил их залечь, и он встал в разрастившийся густой ствол. Еще одну, и еще... Вдруг он почувствовал короткий удар в голову. Кровь хлынула на лицо, залила глаза и, зликая, стекла за воротник.

Утром, после боя, партизаны хоронили погибших товарищей. Они бережно выносили трупы Андрея Туча и Яноша Петефи на поляну. Здесь вырыли могилу, вырыли могилу бототу и на лощине, звали: «Герои». Командир отряда вошел на свежий холмик.

— Прощай, Андрей... Прощай, Янош... Прощай, русский человек, защитник отечества. Прощай, маляр, павший за славу своего народа. Мы отомстим!

Я. ЦВЕТОВ.

Действующая армия.



Действующий флот. Старшина 2 статьи В. М. Кириченко наблюдает за воздушным флотом. Фото С. Короткова.

ЧЕТЫРЕ ТОРПЕДНЫХ АТАКИ

Подводная лодка возвращалась из боевой операции. Штурманские приборы легко захватывали невысокую надводную часть и обдавали ледяным душем стоявших на мостике молодого сигнальщика Кириченко и командира.

Опытным взглядом, привыкшим видеть в темь и в шквалистые снежные заряды, Кириченко внимательно следил за воздухом и поверхностью моря. Владимир Кириченко, несмотря на свой совсем еще юный возраст — ему едва исполнилось 21 год, — уже имел богатый практический опыт.

Он зорко осматривал горизонт, не обращая внимания на то, что уже промок до костей. Лодка то выныривала на волне с легкостью пробитого пороса, то стремительно ныряла в морскую пучину. В такие минуты Кириченко приходилось принимать самые неожиданные положения. Условно балансируя, чтобы умереть равновесие, он не переставал смотреть вперед. Фашистская лодка может появиться с самой неожиданной стороны. Чтобы уйти незамеченным и отбить атаку, необходимо вовремя обнаружить врага, обнаружить след торпеды.

Весь уйдя в наблюдение, он не замечал свистающих потоков воды, непрерывно окутывавших его с ног до головы, только ледяные брызги обжигали лицо и руки.

Подводная лодка подошла к местам, удобным для засады. Надо глядеть и глядеть в оба.

Ветер рванул с новой силой, волна хлестнула прямо в лицо, и Кириченко не устоял. Волна увлекла его с собой за борт. Он лхорочично уцепился одними лишь пальцами за поручни мостика, держась на какой-то миг и вдруг заметил белый длинный след, молниеносно свернувшийся неподалеку.

Торпеда!

Нечеловеческим усилием воли и мышц Кириченко рывком поднялся на рундук, упрото подполз.

— На курсовом... След торпеды! — крикнул он.

Лодка, повинуясь воле командира, круто отвернула вправо. Кириченко с трудом удержался за поручни. Сейчас, наверное, будет пушена еще одна, думал он. Вот и она.

— На курсовом... торпеда!

— Лово руля, — слышит он ровный, спокойный голос командира.

Подлодка неукосно уклонилась и от этого удара. Торпеды, конечно, будут пущены еще, думал Кириченко, надо не зевать обнаруживать их, чтобы увести корабль невредимым.

— Молодец, Кириченко! — доносится к нему сквозь шум волн голос командира, — смотри зорче!

И кроме этого голоса, олицетворяющего сейчас весь экипаж родного ему корабля, одной волы, с которой слился и его воля, Кириченко ничего не слышит, не чувствует. Он весь, без остатка, поглощен наблюдением. Сейчас, в момент непосредственной опасности, угрожающей лодке, Кириченко обрел ту домашнюю уют автоматизма спорности, что дается только практикой, упорством и высоким напряжением сил.

Как сигнальщик и ожидал, фашистский морской пират продолжал неостовствовать.

— Торпеда слева! — крикнул Кириченко и вскоре добавил:

— Вторая торпеда!

Лодка резко отвернула. Одновременно она сама отклонилась показавшуюся на поверхности лодку противника, открыв по нему интенсивный орудинный огонь...

Вахта сигнальщика окончена. Четвержды спасший сегодня корабль и драгоценные жизни советских моряков, сигнальщик-гвардеец спустился через люк в лодку. Кириченко видел глаза командира, глаза товарищей. Он видел, что боевые друзья гордятся им.

Политрук Н. ГИЛЪЯРДИ.

Северный флот.

Боевой счет молодых снайперов

БРЯНСКИЙ ФРОНТ, 30 июня. (Спец. вест. «Правды»). Выполнил первомайский приказ товарища Сталина, бойцы, командиры и политработники Н-ской части энергично занялись за обучение снайперскому мастерству. За полтора месяца молодые снайперы в совершенстве изучили винтовку с оптическим прицелом, научились маскироваться, выбирать и оборудовать наблюдательные пункты,

сооружать укрепления и траншеи и теперь метко разят фашистов.

В первый же день самостоятельных действий молодой снайпер тов. Дедякин уничтожил одного солдата, ружейного лес. Вскоре на этом же месте он стрелял еще трех гитлеровцев. Открыли свой боевой счет и другие молодые мастера меткого выстрела.

И. ИЛЬИНСКИЙ.

ЛЮБИМЫЕ ТОВАРИЩИ

— Вы знаете, товарищ, это место занято, — выкрикнул в темноте человек зашуршах солоной и тихо добавил: — То нашего полотрука место.

Я хотел уйти. Но мне сказали: Оставайтесь. Куда же в дождь? Мы подползли.

Гроза шумела, и вода редко и методично стучала орудие, казалось, что это тоже звуки грома. Вода тяжело шлепалась на землю и била о плащ-палатку, повешенную над входом в блиндаж.

— Вы не спите, товарищ?

— Нет, — сказал я.

— Лень у меня сегодня особенный, — сказал невнимательный человек. — Билет выдай, а его нет.

— Лого нет? — спросил я усталю.

— Полотрука нет. — Человек приподнялся, опираясь на локоть, и громко сказал: — Есть такие люди, которые тебя на всю жизнь согривают. Так это он.

— Хороший человек, что ли?

— Что значит хороший, — ответил мой собеседник, — хороший людей много. А он такой, что одним словом не скажешь. Помощник, невнимательный мой знакомый снова заговорил.

— Я как в первый бой, помню, пошел, стеснялся. Чувство, все пули прямо в меня летят. Норовил в землю, как червяк, оползти, чтобы ничего не видеть.

Вдруг слышу, кто-то смеется. Смотрю — полотрук. Снимает с себя каску, протягивает: «Если вы, товарищ боец, поблагодарите, носите сразу две: одну на голове, а другую следующее место прикройте. А то вы его очень уж выставляли».

Посмотрел я на полотрука... ну и тоже засмеялся. Забыл про страх. А после уж сам научился забывать бояться. Но все-таки на всякий случай ближе к полотруку всегда был, когда в атаку ходили. Может вам, товарищ, плащ-палатку под голову положить, а то неудобно.

— Нет, — сказал я, — мне удобно.

— Однажды так получилось, — продолжал человек. — Хотел я немца штыком проткнуть. Здоровый очень попался. Пере-

хотел он винтовку ружьями и ткнул ее к себе, а к себе. Чувство — перорвал. А у меня рука еще рана. И так тоскливо стало, глаза уже закрывал. Вдруг выстрел у самого уха. Полотрук с наганом стоит, немца на земле лежит, руки раскинул. Полотрук кричит мне: «Ну это в таких случаях ногой в живот бить, а не в тыльную часть. Растерялся, товарищ, эй вы...» И пошел полотрук, прихрамывая, вперед, а я, выхватив, за ним.

Человек замолчал, прислушиваясь к грозе, потом негромко сказал:

— Дождь на меня тоску навелит. Вот случилось, закружил я: от меня песен дождю не было. Ну, мысли всякие.

А через две недели получаю и от своей письма. Извиняется, что долго не писал: на курсах была. А в конце письма приписка была: просила передать привет моему другу, который в письме к ней упрелся за то, что она мне не писала. И назвала она фамилию полотрука. Вот такая история...

Человек замолчал, поинтал в темноте, злитившаяся папироской, потом задумчиво промолвил:

— Раньше полотрука. Нет его. В салете лежит. А нам всем кажется, что он с нами все и выжидает не уходит...

Дождь перестал шуметь. Тянуло холодно, сладко пахнувшей сыростью свежих листьев. Человек поправил солому на нарах и сказал грустно:

— Ну, вы спите, товарищ, а то я вам, видно, надеюсь со своим полотруком.

Когда я проснулся, в блиндаже уже никого не было. На нарах, где было место полотрука, у лавочной стоял человек, на нем — аккуратно свернутая шинель и стопка книг.

Это место занято.

И пошел я, что и тоже никто не забудет, на всю жизнь, этого человека, хотя никогда не видел его и не может быть, никогда не увижу.

Вадим КОЖЕВНИКОВ.

Завальный фронт.

ФРОНТ В ТЫЛУ ВРАГА

(От специального военного корреспондента «Правды»)

За фронтовой линией, за немецкими окопами и узлами сопротивления, далеко во вражеском тылу есть еще один фронт. Там ни днем, ни ночью не стихают бой. Там дерутся воины Красной Армии, доблестные десантники, партизаны, стойкие и мужественные люди, стоящие лицом к лицу с врагом и ведущие упорную борьбу с ним.

После борьбы в тылу у врага не угадывает, хоть немцы и бросают против советских людей авиацию, танки, крупные подразделения, снимая их для этого с фронта и подбрасывая на резервы.

На днях против одной нашей части, действующей в тылу у врага, немцы бросили много пехоты, танков. Над расположением нашей части не стихал рев моторов фашистских бомбардировщиков. Бомбы, мины, снаряды, пулеметные очереди — все сила огня не могла поколебать мужества и стойкости бойцов. Они не дрогнули, не отступили, продолжая с отвагой драться и наносить удары врагу. Тогда немцы попытались разбить наши силы, чтобы драться с каждой группой в отдельности. И этот план провалился. Вот, например, бой, который происходил между воюющими немцами солдат и группой советских бойцов, которой командовал младший лейтенант Бурдугин.

Для отражения вражеских атак младший лейтенант Бурдугин выбрал сорос своих бойцов. Это были смеельчак, злой, но знающий страх в борьбе, злой, блестяще владеющий своим оружием и безгранично преданный своей родине. Они знали, что против них не только немецкая пехота, но и танки и самолеты. Но сорос советских бойцов вышел с решимостью победить, и они победили.

Сорос советских бойцов уничтожил

большое количество немецких солдат и офицеров, а остальных заставил бежать.

В наиболее тяжелую минуту на помощь нашим бойцам пришли артиллеристы. Двое из них — командир артиллерии Лябля и взводный Чертков — погибли, но не отступили ни на шаг. Они прикрывали участок, по которому немцы хотели обойти отряженные советских полкотинов. Лябля и Чертков погибли, что если они пропустили вражеские танки, советские бойцы получили удар в спину. И артиллеристы дрались до последнего выхлани.

Потом, после боя, младший лейтенант Бурдугин нашел у орудия тела героев-артиллеристов. Пехотинцы, дравшиеся с врагом в течение семи часов, устало и измученные, встали перед ними на колени. Они поняли все, что здесь происходило, потому что перед орудием лежали исковерканные немецкие танки и более пятидесяти фашистских трупов.

На другом участке такой же ожесточенный бой выдержали бойцы под командой младшего лейтенанта Агафонов. Они истребили сто немецких солдат и офицеров. В разгар боя Агафонов выбыл из строя. Тяжело раненный, он продолжал приывать бойцов к смертельной борьбе с врагом. Потом его вывели, а на место Агафובה вступил младший политрук Исмаилов, и сражение продолжалось с еще большей силой.

Борьба в тылу у врага не угасает, как не угасает ненависть к врагу у всех советских людей. Нельзя укротить эту ненависть ни пытками, ни угрозами, ни высеками, ни пытками, танками и самолетами.

О. КУРГАНОВ.

Действующая армия.

Перец МАРКИШ

БАЛЛАДА О ПЯТИ

1.

За топомель склопает по скалам тополь. Как в перебежке, незаметно промелькнув. Они придут к ночи в Севастополю, Там придут с дождем про весну, Там травка жадная, и лозы винограда, И волны звонкие на светлом берегу. Все поклялись посылку отыграть предатрору. Дорогу выстелат пламенем врагу. Сетями цепкими там станут все проходы, И пропастью — ущелья гор родных.

— Священной есть ли что, чем ярый гнев народа? —

И есть ли что грозней, чем ненависть страны? —

Прорвали тополи кольцо осаны грозной. Для солонечной весны открыты все пути. Враг гонит пред собой стаде овец колхозных, Чтобы под их прикрытием ползлотили И новым патиском обрушится нежданно,

Дома и улитки огнем непопеля. Свинком перепалал повсюду он баптаны, Телами летскими засеял все поля. Ордями танков он меж древних скал пропалал, Где ветер и орлы, где горных грез не счесть.

Но к ночи тополи домчались в Севастополю

И пришли ему тревожащую весть. И встали перед ним, и выгнулись горло. И тихо молчали дивной своих вершин: — Послать может ли луч солнца животворный?

И высматривает ли простор морских глубин? Пожар над гором метается неоступленно, Сварены волшебно ичались издала, Но никогда еще атаки и каены В горящем горле так пышно не целил.

2.

Росой обрызганы вершины гор и тропы, Дождик в оборотной трусти замерз. Велик пробое оживить их, Севастополю, И тополи твои: оружие взять выки! Сны склоняются в тревоге бездланной

С малой безмолвно к земле, чтоб сберечь От бурь неостовых, от буйных ураганов, От стали воиной, сжигающей дотла. Все небо затянуло зловещий дым пожаров, Густые облака проносятся влади. Где бродят крымские несчетные отары? Куда угнал их враг из солнечных долин? Он в третий раз идет на приступ испуганный, Он в третий раз ведет свои оравы в бой. Но остаются здесь навеса батальоны, Не победенные, не окрытые травой. В расщелинах меж скал их осынь скоронила, Зима их выгоями и снегом замела. А вешние вод стремительная сила Из щелей выплеснула мертвые тела. Но трижды умерев средь каменных уступов, В звероной ярости враг ищет вновь тропу

И вновь пагает по горам своих же трупов, Не ужасенных пристанища в гробу. Вздвешенный ищет он прокол на Севастополю, Он рвется к городу, истерзаный, в крови,

И танков табуны хотят пройти гапоном, Чтобы стальной броней прибрежье развалить.

Но черноморцы здесь стоят на страже. И каждый куст, и каждый выступ скал. Не дать пройти стальной лавине вражеской Спокойно комиссар отряды приказал.

3.

Вылетели чайки вьсы, в простор голубоватый, И замерли на миг, дышаще ветая. Пять моряков готовили гранаты, Пять моряков готовились к бою. Как на качелях, шевеля чуты-чуть крылами,

Висели чайки в солонечной дали. Пять моряков продолжали с друзьями, Пять моряков простылись и пошам. Еще кружилась дождя стая здесь бонка,

На солнце крыльями сверкая в вышине, Пять моряков воюли на солку смею И залегли среди утесов и камней. Их море осеняло ясным лазурью, И ведало от них боестрашье на него. Когда из лес могучий налетает буря, Он борется ли с ней отдельно каждый ствол, Чтоб запертво не рухнул, не простерся Поверженном во прах массив лесной? И в час опасности пять смеельчак черноморцев

Блжнутся солнечным горам страны родной. Потокам, что с вершин сбегают дальних, И виноградникам в цветенье зодотом, И стройным тополям, задумчиво-почтальным,

Клянутся встать заслоном пред врагом, Чтоб смерть не пропалаз коричневым удавом.

Клянутся горам свой цветущий уберечь. На веки-вечные поднят покрывай славою

И черноморский свой непорочный меч. Отброшил Чатырдаг туманную завесу, Яйла с груди своей срывает облака, И залегли пять моряков среди отвесов, Забучивало пламя среди скал.

4.

Стоит, пылая, осажденный Севастополю, Открыт ветрам, на светлом берегу, Любая ветвь и каждый камень солов. Подходы к городу безжалово стерегут, На рапы города ложится нежный пух там,

И под ласкающим дыханьем ветерков Стоит вышнем чудесным он пал бухтой.

Овеян славыми легендами боев, Не внемлет он палые и огулы самолетов, Не могут осветить его огни и дым, Как будто по волнам истории плывет он. И вника всех судеб открыта перед ним. Он смотрит пред собой, грядущие разведат.

Простоим выжибает в пыльном огнесом. Он видит моряков — сынов, отнов и лесов.

Что бились некогда и бьются за него — Не только адрами, снарядами и мной. Но силой воиной, могучей, как громет. И танком отот, как полные мушкетеры,

И, неслась в воздухе, с акашии првет летит. Над головой его мелькают тени свастие, Несеет дождик вой стертанков стальных.

Дома раненные рвут они на части И ругат все вокруг. По он не слышит их.

Линь кляту смывовой — матросскую присягу — в далеких выстрелах всем сердцем слышат он: — До самого конца не отступать ни шагу!

Развить воевов, пока хоть есть один патрон! — А буйная весна првет неукротимо. И о сражениях над светлой гальбой вод Потокам некогда рассвоят горы

И море Черное в гекзаметлах сплет.

5.

Четвертый день они удерживают сопку. И бой четвертый день грохочет и бурлит. Здесь в Севастополю проход захопнут. Здесь в Севастополю путь наглухо вырвет.

Четвертый день они удерживают сопку. А танки все ползут, как черные вальмы. Но каждый выстрел перед ними роет пропасть.

Едва покажутся они из-за скалы. Уже их семь лет, деревья поминная. За ними — двадцать напозапат, словно марк.

Оружие в груди, как друга прижимая, По головному бьет нество моряк. Встал первый танк. Над ним — зонг пламени и дыма.

Жует он камин из последних сил. В колонне грозной полз он по горогам

Но сразу путь его моряк укротил. Уже второй гонет с простреленным мотором.

Сраженный яростно матросского санца. Но и один моряк лежит. Оплаканный простором, Покрывает шинелью, мерта и верев до конца.

А буйволы в востех ползут слозав дым багровый

И навзничь падают, и в бешестве ревет.

Связь пламя, чад и смерть моряк не видит крови, Что лаской алом склопает по ружью. От жара заелались потресканные губы. Но гнев его могуч и непамятен святя. Чем жажду утолить? Воды теперь ему бы, сталь.

Но под ружьем лишь холодной маске сталь. Вот вражеский свинец в бедро его ужался,

А все ж оружие не вышустит ружа. И пулемет в его руках умоля тоды лишь, когда навек умоляло сердце моряка.

6.

У каждого бунлат уж просверляли пули. И вровь у каждого на горе запелася. В последний раз они на горех своей взглянули смертный час.

Патронов больше нет, а танк ползет проклятый. Заложил пулемет, замолгла выкота, Моряк подвесил к полу гранаты И клянулся вперед. Моряк пошел на танк.

Под сопкой — кладбище, куски выжтой стали, Сожженное пупро, клочья железных скуз.

Моряк в последний раз взглянул в родные дали, И ринулся под танк, прижав к груди гранаты,

Как прыгал с палубы в морскую глубину.

Отчаян! Если б жизнь ему опять дала ты, Страх пятался пред ним, дорогу устияя.

Ее тебе в бою он снова бы вернул, Страх пятался пред ним, дорогу устияя.

И каждый камень лянты к его ногам. Команду волаз ему отыла роляя, Но смеотью в этот миг командовал он сам.

За ним второй моряк пошел неперопленно — И ружью танк, рванувшийся в попу, И горю догнуги от громоного взрыва. И исподползла даль в удушном дыму.

И пятый встал моряк. В последнюю минуту Он услышал пальбу с родных кораблей. Раскаты грозные звучали, как салюты И как последние напутственные друзей. Как гром, обещанный гранатами упал он

Под исполненный танк и землю пеловал:

— Пусть на телах варываются железные шакалы! И кости, как мечи, разят их паловал!

7.

Ты слышишь, родина? Да будет их бесстрашие

Навек записано на краях Крымского гор, Чтоб память витязей потомки чтить пали,

Чтоб пожинала земля, и ветер, и простор. Сожженных буйвоков презренные останки

Немыслим грузами лежат на всех путях. И вопить уже ползут оставшие танки. От высоты их гонит смертный страх. На Севастополю — отчий неостовых россыпь.

Стоит он, величав, в легендах облачат. А там, пол сопкой, богатырь-матросы Спят тихо, с родной обаявшись горячо. И неподступностью там вост вей-чарной...

Как бесконечно — сонка своей скал. И роина хрипит сына покоя и славы. И море песню им поет наплена. Воль даже мертвые они — врагам преграла.

Как леды и отны давно, в былые дни. Своей дог исполнили, не тебуя награм.

Сдержали клятву черноморскую они. За топомель склопает по сопке тополь. Как в перебежке, незаметно проскользнула

Они придут к ночи в Севастополю, Они придут с дождем про весну. И снова кольцо врага найдут проходы. Нет на земле преграла для востиков освом.

Священной есть ли что, чем ярый гнев народа? —

И есть ли что грозней, чем ненависть страны? —

Перевел с сербского С. ИЛЬИНСКИЙ.